

Кондахчян А.А.

ОСНОВНЫЕ ПРИНЦИПЫ ЦЕНТРАЛЬНОАЗИАТСКОЙ ПОЛИТИКИ КИТАЯ

А.А. Kondakhchyan

THE BASIC PRINCIPLES OF THE CENTRAL ASIAN CHINA'S POLICY

УДК:342/128-45

В статье рассматриваются основные принципы центрально азиатской политики.

The article deals with the basic principles of the Central Asian policy.

В 2010 г. китайский генерал Лю Ячжоу, известный своими радикальными оценками геополитической ситуации в Азии, написал статью, в которой назвал Центральную Азию «самым жирным куском торта, дарованным современному Китаю небесами». Он также отметил, что в последние годы быстро растущий Китай смог воспользоваться недостатком инициативы в регионе со стороны России и США [1].

В отличие от Великобритании и России, влияние и присутствие Срединной империи в Центральной Азии проявлялось с весьма давних пор. Китайцы поддерживали политические, культурные и торговые связи с данным регионом с древнейших времен, о чем свидетельствует сохранившееся с тех пор и говорящее само за себя воспоминание о "Великом шелковом пути". Для них Центральная Азия много веков назад была и рынком и транзитным мостом для более дальних торговых маршрутов, например, между Римской империей и Поднебесной.

Монгольские завоевания - сначала Китая, а затем Центральной Азии - Енесли резкие изменения в жизнь региона. На несколько столетий и Китай и Центральная Азия, и, кстати, Русь, превратились в улусы великой Золотой Орды. Однако со временем и эта империя подобно другим рухнула. Китай, точнее северная его часть, стал вновь самостоятельным актором международных отношений - вплоть до его завоевания манчжурами в XVII в.

Впрочем, в широком смысле он и при манчжурах остался таковым - просто власть над этой многонаселенной страной оказалась в руках манчжурской династии Цин, сохранявшей свое господство вплоть до Синьхайской буржуазно- демократической революции 1911 г. [2]. И именно при манчжурах политика Китая в отношении Центральной Азии приобрела военное, экспансионистское измерение, когда манчжурский Китай присоединил к себе отличные от него и по этническому составу, и по религиозному признаку Синцзянь и Уйгурию, ныне Синцзянь-Уйгурский автономный район (СУАР) КНР (Восточный Туркестан).

Синцзян-уйгурский автономный район КНР расположен на северо-западе Китая. Его территория превышает 1,7 млн. кв. км. Восточный Туркестан граничит с Россией, Казахстаном, Кыргызстаном, Таджикистаном, Афганистаном, Пакистаном, Индией, Тибетом, КНР и Монголией. Он обладает богатыми природными запасами. Пастбища составляют более

50 млн. га, культивируемые земли - 3,5 млн. га. Его недра содержат более 120 видов полезных ископаемых. Запасы угля составляют 1700 млрд. тон. Он располагает значительными запасами нефти. Уйгуры имеют более, чем 3000-летнюю историю. Они этнически близки к народам Средней Азии, прежде всего к тюркским народам, которые генетически родственны и имеют с ними долгую общую историю. По мнению местных сепаратистов, которые именуют СУАР Восточным Туркестан и добиваются его отделения от КНР, он более 100 лет являлся полуколонией китайской империи Цин и стал ее колонией в 1876 г. [3].

После завоевания маньчжурской династией Цин Джунгарии и Восточного Туркестана в 50-х гг. XVIII в. и образования на их месте наместничества Синцзян цинские власти выставили на границе с Казахстаном, Кыргызстаном и Горным Алтаем три типа караулов (калуней): постоянные, обозначившие собственно пределы Цинской империи; передвижные или сезонные; и временные, задача которых, заключалась в том, чтобы контролировать ситуацию в приграничной полосе и не допускать кочевников к границе Китая.

Начало русско-китайскому разграничению в Центральной Азии положил Пекинский договор между Россией и Китаем, заключенный русским посланником Н.П. Игнатьевым с цинским правительством в ноябре 1860 г., как дополнительный к Айгуньскому и Тяньцзиньскому договорам. Согласно этому договору должна быть определена граница на огромном пространстве "от маяка (погранзнака) Шабин-Дабага до Кокандских владений", т.е. от оконечности Западных Саян до Памира. Наряду с пограничными вопросами в Пекинском договоре регламентировалась и русско-китайская торговля в Центральной Азии, русские купцы получали право торговать не только в Кульдже и Чугучаке, но и в Кашгаре.

В общих чертах Пекинский договор определял принципы и направление будущей границы. От Шабины-Дабага до кокандских владений, пока еще не определенная договором, русско-китайская граница простиралась на протяжении 2400 верст, пересекая горные хребты Алтая, Тарбагатая, Джунгарского Алатау, Тянь-Шаня и Памира, крупные реки - Иртыш и Или. На ровной и открытой местности при проведении границы, указывалось в договоре, следовало придерживаться линии постоянных китайских пикетов, а в горах и по рекам - вести границу по естественным рубежам, даже если она будет уклоняться в ту или иную сторону от линии постоянных пикетов. [4].

С точки зрения директора Института русской истории Российского государственного гуманитарного университета А.И.Фурсова, центрально-азиатский регион "последние 300-400 лет был объектом экспансии, сжимался, соседи (и через некоторых из них - капитал, мировой рынок) диктовали ему свою волю. В XVII в. Центральная Азия, точнее, ее восточная часть оказалась сдавленной между молотом и наковальней Российской и Цинской империй, этот пресс продолжал сжиматься до начала XX столетия. Западную ее часть в XIX в. подперли с севера все та же Россия, с юга - Великобритания... Именно Российская и Цинская империи взяли Центральную Азию в тиски, постепенно сжимая их, усиливая давление". [5].

Однако к середине XIX века манчжурский Китай вошел в полосу кризисов, проявлением которых стало широко известное восстание тайпинов и неспособность Китая одолеть Великобританию в ходе навязанных ею т.н. "опиумных войн". Хотя и в XIX и даже в начале XX вв. наблюдались серьезные столкновения интересов за преобладание в ЦА между Россией и Китаем. [6].

Следует отметить, прежде всего, что нынешние российские территории в Азии - Южная Сибирь и Дальний Восток исторически были не только сферой интересов Китая, но и считались им потерянными, отторгнутыми от него. То же самое следует сказать и э Центральной Азии. В процессе своего расширения Китаю удалось присоединить к себе часть большой Центральной Азии - Восточный Туркестан. В целом же китайские правители стали претендовать на другие территории Центральной Азии, вплоть до эзера Балхаш. [7]. В 60-70-х годах XX столетия в Китае активно обсуждали вопрос о «неравноправных» договорах (имелись в виду договоры с Российской империей о границах). [8]. Отголоски территориальных споров мы можем зафиксировать и з последнем соглашении России и Китая по эстровам.

Особая экономическая заинтересованность Китая в Центральной Азии возникла после распада СССР, который по времени совпал с бурным экономическим ростом восточного соседа. При этом Китай стал рассматривать Евразию не только как открывающийся перспективный рынок, но и как плацдарм для продвижения дальше на запад. Утверждаясь в Евразии, Китай однозначно рассчитывает повысить свой статус в мировой политике. И в этом плане его политику в отношении государств СНГ, как и политику США в Центральной Азии, следует рассматривать в контексте мировых процессов, в частности, возможного в перспективе соперничества Китая и США.

Китайские руководители, как представляется, испытали по поводу дезинтеграции СССР неоднозначные чувства, прежде всего потому, что, несмотря на все конфронтационные моменты прошлого (в значительной степени уже преодоленные благодаря перестройке к концу 1980-х годов), Советский Союз рассматривался как идеологическое близкое государство. Новая же Россия открыто провозгласила курс на капитализм с его демократией и свободным рынком, а также ориентацию на скорейшее вхождение в

"цивилизированное мировое сообщество". Кроме того, уже в геополитическом плане Китай не мог не осознать, что теперь он превращается в глазах США в главного их противника на мировой арене.

Распад СССР кардинальным образом изменил расстановку сил в мире, и в Пекине сразу же стали анализировать новую ситуацию и делать соответствующие выводы. [9]. Как отмечал китайский политолог Чэнь Цимао, "мир впал в крайне разбалансированное состояние". [10]. Исчез стержень прежнего антиимпериалистического полюса, обеспечивавшего относительное равенство сил в мире и мешавшего чрезмерным проявлениям гегемонизма США. [11].

Возникающий в результате этого новый миропорядок потребовал от руководителей КНР выработки соответствующей внешней политики. Для них это была особенно важная задача, поскольку СССР был не только социалистическим государством, но и ближайшим соседом КНР, претендовавшим на особую роль в АТР, но, в то же время, предсказуемым и даже полезным для успеха курса на модернизацию, поскольку игра на советской угрозе использовалась Пекином в его отношениях с Вашингтоном. [12].

В то же время жертвовать выгодами сотрудничества с Западом в условиях, когда реформы были далеки от завершения, Китай не желал, да, пожалуй, и не мог. Поэтому он не пытался использовать ослабление России для обострения существовавшего территориального спора, [13], понимая, что всякий конфликт с Россией только ухудшит имидж Китая на Западе, сильно подорванный после тяньаньмэньских событий 1989 г. [14].

Пекин опасался, что распад СССР серьезно дестабилизирует обстановку в Евразии и мире в целом, его тревожила наметившаяся тенденция к стратегическому сближению России с США, грозившая неблагоприятным для КНР изменением баланса сил, не исключалась также поддержка Россией китайских диссидентов и ее сближение с Тайванем. [15].

Вместе с тем в Пекине понимали и другое: ослабление России можно использовать в интересах Китая. Во-первых, ослабел один из его серьезных соперников за влияние в АТР. На месте единой страны появился ряд независимых государств, стремившихся дистанцироваться от Москвы, что облегчало КНР проведение собственной политики в Центральной Азии. Во-вторых, китайское общество освобождалось от нескольких десятилетий нагнетавшегося пропагандой страха перед военной угрозой с Севера. [16].

Китайские руководители признали, что с крушением социалистического лагеря изменилась архитектура мирового порядка, что США, освободившись от противодействия второй сверхдержавы, попытаются навязать миру собственные принципы его устройства, взять под контроль все стратегически важные ресурсы и заменить противостоящие им режимы дружественными. Именно это стало основанием для фундаментального вывода о том, что биполярность, на которой зиждилось послевоенное мироустройство, закончилась. Китайский политолог Чжан Байцзя, например, отмечал в этой связи: "В результате своевременного изучения и осмысления

ситуации Цзян Цзэминь и другие китайские руководители летом 1991 г. сделали фундаментальное заключение относительно международной ситуации. Главный вывод был таков: биполярность закончилась и мир развивается в направлении многополярности; хотя нынешняя международная ситуация тревожна и неспокойна, лейтмотив мира и развития остается неизменным; в относительной длительной перспективе Китай сможет обеспечить себе благоприятный мирный международный климат и такое же ближайшее окружение, основные внешнеполитические принципы, выработанные в стране на протяжении периода осуществления реформ и открытости, остаются неизменными". [17]. При этом китайские политики и ученые подчеркивали, что возникшая после 1991 года многополярность характеризуется множественностью сил, уровней и центров. [18].

Соответственно, практически по тем же соображениям, что и США, из постсоветских государств наибольшее внимание Китай также стал уделять России.

При этом, разумеется, и США, и КНР отнюдь не игнорировали остальное постсоветское пространство. В то же время, очевидно, что их интересы были в некоторой степени асимметричными. По понятным причинам Соединенные Штаты с гораздо большей энергией - и при активной поддержке Европейского Союза (ЕС) стали действовать в отношении постсоветских государств, расположенных в непосредственной близости к "зоне ответственности" Организации североатлантического договора (НАТО), где они играли и играют лидирующую роль.

Одним из наглядных результатов этого стало вступление трех бывших прибалтийских советских республик сначала в НАТО, а потом и в ЕС. Помимо этого продолжалась работа по вовлечению в евроатлантические структуры таких стран как Грузия, Азербайджан и Украина, хотя степень их готовности к этому неадекватна в целом и различна в частности - если нынешнее грузинское руководство открыто не раз заявляло о своем желании вступить в НАТО, другие "кандидаты" ведут себя более дипломатично, стремясь не антагонизировать Россию.

Китай все прошедшие годы не проявлял попыток как-то четко обозначить свой интерес - помимо экономического - к европейским и закавказским постсоветским государствам. Единственным проявлением его позиции по военно-политической ситуации в этих регионах можно считать подписание китайскими руководителями совместно с российскими президентами соответствующих совместных документов, в которых негативно оценивалось расширение НАТО на восток. И это вполне объяснимо. У Китая - в отличие от России - здесь отсутствуют сколько-нибудь действенные рычаги влияния.

В то же время ситуация в еще одной части постсоветского пространства, а именно, в Центральной Азии долгое время выглядела если не зеркально противоположной, то иной. Начиная с начала 1990-х годов Китай осуществлял и осуществляет активное экономическое проникновение в ЦА, которое было политически подкреплено созданием Шанхайской организации сотрудничества (ШОС). [19].

Литература:

1. Берг Ю. Китайский фактор в Евразии. // Комсомольская правда. 9 мая. 2012.
2. Бажанов Е.П. Китай: от Срединной империи до сверхдержавы XXI века. М.: Известия, 2007.
3. См.: <http://ymyt.com/ru/3/151.shtml>
4. Моисеев В.А. Россия и Китай в Центральной Азии (вторая половина XIX в. - 1917г.) - Барнаул: АзБука, 2003. С.42
5. Фурсов А.И. Срединность Средней Азии: Долгосрочный взгляд на место Центральной Азии в макрорегиональной системе Старого Света // Русский исторический журнал. Том 1, Л"е4, Осень 1989,- <http://www.ejournal.ru/bzarub-st3-12.html>
6. Симоновская Л.В., Юрьев М.Ф. История Китая. М., 1974. С. 282-284.
7. См.: Новейшая история Китая. М., 1972. С. 407; Внешняя политика КНР. М., 1971. С. 114 - 127.-1
8. Воскресенский А.Д. Китай в контексте глобального лидерства. - Международные процессы. 2004. Т. 2. № 2. Май-август. С. 25.
9. Подолько Е.О. Развитие отношений КНР с основными партнерами на мировой арене в конце XX - начале XXI вв. // Ученые записки - 2006. Дипломатическая академия МИД России. М.: Научная книга, 2006.
10. Чэкь Цимао. Поиски нового международного политического порядка в Азиатско-тихоокеанском регионе // Гоцзи выньти яньцзю. Январь 1992. № 1. С.3. Подробнее см.: Яковлев А.Г. Россия, Китай и мир. М., 2002. С. 260-261, 397.
11. Бажанов Е.П. Актуальные проблемы международных отношений. Т. 2. М., 2002 с. 355.
12. Бажанов Е.П. Указ. Соч. С.349-351.
13. Цян Цичэнь. Десять дипломатических событий. М., 2005. С. 188.
14. Бажанов Е.П. Указ. соч. С. 417.
15. Там же. С. 346.
16. Чжан Байцзя. Исторический обзор эволюции внешнеполитических отношений Китая в период осуществления реформ и политики разрешения внешних связей (1992-2002 гг.) // Проблемы Дальнего Востока. 2003. №6. С.43.
17. Тао Цзюнь. Современная мировая политика и международные отношения. 1996. С. 159.
18. Кулматов К.Н. Мир в начале XXI века. Размышления российского дипломата и ученого. М.: Известия, 2006. С. 153-161.
19. Воскресенский А.Д. Китай в контексте глобального лидерства. // Международные процессы. 2004. Т. 2. №2. Май-август. С. 25.
20. Воскресенский А.Д. Указ. соч. С. 26.

Рецензент: д.полит.н., профессор Артыкбаев М.